

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: ОТ ДЕВИАНТНОСТИ К ТОЛЕРАНТНОСТИ

Грошева И. А., Грошев И. Л. (Тюмень, Россия)

Рост числа этнических мигрантов создаёт проблемы в социально-экономической, политической сферах принимающей среды: увеличивается нагрузка на социальную инфраструктуру, обостряется конкуренция в сфере занятости, происходит рост социальной напряженности. Социальная дезорганизация развивается за счёт роста масштабов различных форм негативной девиантности среди мигрантов в условиях быстрых социальных изменений. На возрастание негативной девиантности оказывает влияние целый ряд социальных факторов. Среди них: дефицит социальной идентичности и отчуждение человека от общества, проявляющееся в потере своего статуса; утрата социального оптимизма или даже смысла жизни, личностных проблем, ослабление институтов социализации и социального контроля, обострение социального неравенства и др.

Конфликтогенность миграционных процессов в европейских странах предлагается рассматривать с позиции концепции культурного конфликта, сформировавшейся в середине 1930-х годов в рамках Чикагской школы. Базовым предположением выступает тот факт, что разнородность населения и сложное разделение труда проявились в своеобразной мозаике этнических, религиозных, социально-классовых и политических субкультур с собственными особенными убеждениями, традициями, нормами, ценностями, ожиданиями. Так называемые «культурные теории» делают акцент на силах, побуждающих людей совершать девиантные поступки. Основной причиной возникновения дифференциальных связей и дезорганизации выступает конфликт культур.

Т. Селлин обратил внимание на тот факт, что интересы группы не соответствуют интересам большинства, поэтому если в группе сложились свои нормы субкультуры (поселенческая, этническая и др.), вполне можно ожидать возникновение защитных механизмов, а, следовательно, конфликта. «Конфликт культур неизбежен, если нормы культуры или субкультуры одной зоны перемещаются в другую или сталкиваются с нормами другой зоны» [1, с. 282].

Конфликт между нормами различных культур возникает: 1) когда нормы оказываются на границе смежных культурных зон; 2) когда право одной культурной группы распространяется на территорию другой группы; 3) когда члены одной культурной группы переходят в другую [2, с. 95]. Хотелось бы отметить, что большая часть преступлений, как среди молодых мигрантов, так и в любой другой общности не может быть объяснена в терминах группового и культурного конфликта. Подавляющее большинство преступлений носят внутригрупповой характер и совершаются внутри социальной группы, а не между ними. Адаптивность по отношению к своему окружению скорее следует воспринимать как толерантность, но не

интегрированность чуждых элементов в единую систему. Различие заключается в том, что внешнее приятие провоцирует внутреннее напряжённое сопротивление (отчуждение).

В. Миллер дополнил теорию Т. Селлина [3] утверждением о том, что основные ценности культуры низшего класса поощряют правонарушения шаек, поскольку групповая преступность является ярким выражением субкультуры низшего слоя. Культура существует дольше, чем продолжительность жизни одного поколения, поэтому она распространяется и переходит от одного индивида к другому и от одного поколения к другому. Эту теорию можно отнести к теориям передачи культурного опыта.

В том случае, если социальная система допускает слишком глубокое разрушение своей культуры, то она будет обречена на социальную и культурную дезинтеграцию. Проблема заключается в том, что никто не знает пределов изменения человеческого общества, чтобы можно было определить адекватные ограничения. Например, мотивация к выполнению ролевых ожиданий в социальной системе отмечена Т. Парсонсом через призму двух фундаментальных свойств человеческой природы. Это пластичность, т.е. свойство человека обучаться любому из многочисленных стандартов поведения и сенситивность, т.е. восприимчивость индивида к влиянию установок других в процессе социального взаимодействия [4, с. 104–105].

Немаловажная роль отводится культурным эталонам в жизни общества, так как тенденции к девиантному поведению создают определённые проблемы для социальной системы, следовательно, им нужно противопоставить для устранения дисфункциональных последствий механизмы контроля. Если культурные ресурсы не будут при помощи интернализации ассимилированы, но нельзя будет достичь определённого уровня личности. Системе социального действия присуща нормативная ориентированность, и проблема порядка сконцентрирована вокруг мотивации акторов нормативными культурными стандартами, которые интегрируют межличностную систему действия [4, с. 109]. Стабильность взаимодействия зависит от ориентации сторон взаимодействия на общие стандарты, поскольку только так возможен порядок в мотивационном и коммуникативном аспектах.

Если нормативные стандарты интернализированы и признаются сторонами социального взаимодействия, то конформность как способ удовлетворения собственной диспозиции потребностей будет иметь тенденцию к совпадению с конформностью как условием вызывания благожелательных (избегания неблагоприятных) реакций других. Отсюда становится очевидным и то, насколько этот стандарт институционализирован [4, с. 111].

При анализе девиантности миграционных процессов необходимо сосредоточиться на системе взаимодействия, особенно на ориентацию актора в ситуации и на ситуацию, включающую значимые объекты, в том числе и нормативные стандарты, которые опосредуют ожидания к выполнению социальной роли. Воспроизводство социальной структуры обеспечивается

моралью, институтами социализации, системой верований, т.е. нормативная ориентация сопоставима по значимости в теории социального действия с пространством в классической механике. Социальная система может выжить только благодаря механизму социализации и социального контроля.

В одном случае девиантность – это мотивация актора вести себя вопреки одному или нескольким институционализированным стандартам, а механизмы социального контроля – это мотивация к противодействию этой девиантности. В другом случае, девиация – это тенденция к нарушению статического или динамического равновесия системы взаимодействия. Механизм социального контроля – это восстановление равновесия при помощи противодействующих сил. Такое равновесие достигается путём интеграции при помощи системы нормативных институционализированных стандартов.

Группа мер по культурной адаптации пришлого населения должна быть связана с соблюдением по отношению к ним требований религиозной терпимости и свободы вероисповедания, что в частности, выражается в создании возможностей для функционирования нехристианских религиозных организаций. Во-вторых, это создание условий для сохранения этнокультурного разнообразия, что может выражаться в гарантии прав объединения инициативных групп в целях изучения родного языка и культуры, а также этнокультурного самовыражения. Хотелось бы отметить еще одно возможное направление административной работы властей – это смена парадигмы правоохранительной деятельности от «карательных» мер к общественно-ориентированным.

Политика формирования толерантности к мигрантам у принимающего общества могла бы развиваться при помощи специальных приемов солидаризации, таких как назначение на руководящие посты (естественно, при наличии соответствующих способностей) лиц иной, чем большинство, расовой или этнической принадлежности. Также к спектру «символических» ресурсов власти, которые стоило бы использовать как канал этнокультурной политики по отношению к мигрантам, можно отнести мнения авторитетных политиков, инициацию информационных кампаний и т.д.

Продуктивный подход, на взгляд авторов статьи, содержится в интерпретации толерантности с позиции теории социального действия. С этой точки зрения толерантность-интолерантность представляет единое поле социального свойства, характеризующегося определенными качественными состояниями и атрибутивно принадлежащего всей системе социального взаимодействия.

Литература и источники

1. Селлин, Т. Конфликт норм поведения // Социология преступности. Современные буржуазные теории. – М., 1966. – С. 282–287.
2. Гишинский, Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб, 2004.

3. Miller, W. Lowers Class Culture as a Generating Milieu of Grand Delinquency // Journal of Social Issues, 1958. – №14. – p. 5–19.
4. Парсонс, Т. О социальных системах. – М., 2001.

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ПОИСК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

Давыдик О. И. (Минск, Беларусь)

В рамках сложившегося современного мирового политического процесса значимым является кризис национального самосознания, который наступает в период распада ценностей и идеалов, лежавших в основе ранее доминировавшей политической культуры заставляя искать новые духовные ориентиры для осознания своего места в обществе и связей с государством. Исследование феномена национального самосознания сопряжено с поиском эффективной познавательной оптики, которая способна учитывать все многообразие аспектов, включенных в формирование данной категории. Цель данной статьи заключается в осуществлении попытки подобного поиска через понятия микроистории, традиции, нации и социального конструктивизма. Новизна данного исследования заключается в попытке разработки комплексной модели философско-методологического исследования формирования и развития национального самосознания в условиях глобализации.

Белорусское национальное самосознание является относительно новым явлением в плане временного и культурно-исторического разрыва с тем наследием, которое существовало в границах ВКЛ и Речи Посполитой. Это состояние характерно и для Польши, и для Литвы. Восстановление этой исторической связи и модернизация нации с учетом этого пласта истории возможно на основе микроисторического и микрокультурного контекстов: включения локальных повествований в общее культурно-историческое повествование [1, с. 21].

Методологический аспект исследования национального самосознания – микроистория. Практически, микроистория – это уменьшение масштаба исследования документального материала. Таким образом, вся социальная деятельность представляется в качестве перманентных манипуляций, выбора и решений индивида в условиях нормативной реальности, проявлений свободной воли и индивидуальной интерпретации свободы [2, с. 150].

Таким образом, принимается во внимание, что даже обыденный, незначительный поступок индивида затрагивает собой более глобальную систему. Достоверность процесса исследования объекта реальности определяется продуктивностью и эффективностью описания разных комбинаций масштаба в разных социальных организациях, измерением их роли в разных сферах жизни. Так, принцип микроисторического исследования представляется в качестве эффективной оптики, которая